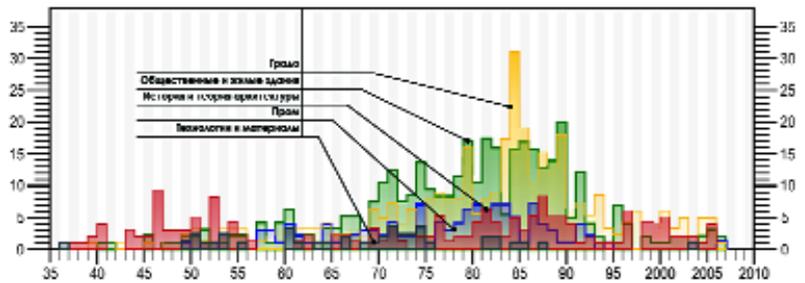

График накопления диссертаций в 1930-2000-е гг.
Chart of dissertations accumulation in the 1930s-2000s.

Совмещенный график динамики основных разделов.
Overlapping progress chart of main sections.

Владимир Пуков
Дмитрий Фесенко

Диссертационный фонд МАрХИ – наукометрический анализ двадцать лет спустя

Два десятилетия назад один из авторов статьи предпринял исследование тогдашнего диссертационного фонда, хранящегося в библиотеке Московского архитектурного института (1). Сегодня было решено повторить тот наукометрический опыт – с учетом произошедшей переборки каталожных ящиков, возможной корректировки рубрикации и, разумеется, появившихся новых единиц хранения (2). Впрочем, этот прирост оказался меньшим, чем можно было бы предположить – всего порядка сотни диссертаций: в настоящее время в МАрХИ хранится немногим более тысячи работ (3).

В общем и целом, основные тренды и так называемые аномалии, или отклонения от «нормальной» эволюции, выявленные на материале до 1990-2000-х гг., совпадают с нашими результатами 1980-х гг., а вот их интерпретация может и должна быть пересмотрена и развита – в соответствии с нынешним опытом. К примеру, если говорить о графике накопления диссертаций, то известную «заминку» второй половины 1950-х гг. можно объяснить следующим образом: при назревающей смене курса, или, как тогда это называлось, творческой направленности советской архитектуры, никто доподлинно не представлял, куда подует ветер и – соответственно – какая научно-исследовательская тематика в скором времени окажется на греб-

не; все предусмотрительно выжидали. Решительное же нарастание объема работ с конца 1960-х гг. можно трактовать как несколько запаздывающую реакцию на начавшийся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. процесс массовизации советской науки, связанный с ростом НИИ, количества ученых, объема научных публикаций и т.п.

Динамика основных разделов – в первом исследовании мы исходную рубрикацию, включающую порядка 30 наименований, свели к квартету: архитектурное проектирование, градостроительство, теория и история архитектуры, во втором архитектурное проектирование распалось на два таксона: общественные и жилые здания и промышленную архитектуру, кроме того, появились еще «Технологии и материалы» – также может быть реинтерпретирована и уточнена. Впрочем, всплеск интереса к архитектурной истории в 1940-е – середине 1950-х гг. и в середине 1970-х – 1990-е гг. и тогда, и сейчас предстает как закономерное следствие поворота творческой практики соответственно в направлении неоклассики и постмодернизма, остро нуждающихся в исторической подпитке. В то время как рационализм и технологизм конца 1950-1960-х гг. влекут за собой смещение акцентов в сторону инженерии, конструктивных систем и – соответственно – тогдашнего западного опыта, выступавшего в качестве опережающего аналога.

Прирост работ по ландшафтной архитектуре

1970-1980-х гг. продолжился в 1990-2000-е гг., наглядно демонстрируя произошедшую институционализацию и динамичное развитие новой-старой профессии, загубленной на корню хрущевскими прогрессивными реформами середины 1950-х – начала 1960-х гг.

В рамках нынешнего исследования любопытным выглядит что-то вроде исторической эстафеты, в которой приняли участие общественные здания (нарастание до начала 1980-х гг., после чего спад), градостроительство (нарастание до середины 1980-х гг., после чего спад) и жилье (нарастание до конца 1980-х гг., после чего спад). В этом тройном каскаде поддается объяснению преолимпийское внимание к объектам общественного назначения, а вот последовавшие за ним градостроительный и жилой «пики» пока остаются без комментариев – очевидно, здесь требуется дополнительная проверка на ином эмпирическом материале и, возможно, с использованием ненаукометрических методов.

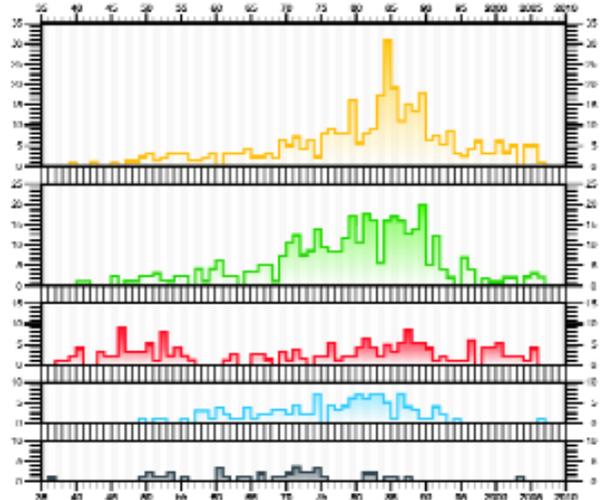
Незжглицуема и еще одна аномалия – заметный прирост во второй половине 1970-х – 1980-е гг. числа диссертаций, посвященных промышленной архитектуре. Почему, спрашивается, предыдущие волны индустриализации 1930-х и 1960-х гг. оставили не столь определенный след? Единственный приходящий на ум довод – отражение общей «экспансионистской» тенденции конца 1960-х – середины 1980-х гг. – выглядит бледно, по крайней мере, не исчерпывает возможные истолкования.

* Статья подготовлена в рамках семинара «Синергетика и архитектура» на кафедре философии МАрХИ (рук. доцент Т.В.Макарская).

График динамики основных разделов –

- «Градостроительство» (архитектура и планировка сельских населенных мест; градостроительство; история градостроительства; ландшафтная архитектура).
- «Общественные и жилые здания» (административные здания; больницы; жилые здания; клубы; музеи; общественные здания; санатории, курорты и центры отдыха; стадионы; театры; торговые здания; школы).
- «Промышленная архитектура» (гаражи; ГЭС и гидроузлы; промышленная архитектура; текстильные фабрики).
- «Теория и история архитектуры» (живопись в архитектуре; история архитектуры; народное жилище; охрана и реставрация памятников архитектуры; теория архитектуры).
- «Технологии и материалы» (конструкции; освещение; стройматериалы).

Progress chart of main sections «Urban planning»,
 «Public and residential houses»,
 «Industrial architecture»,
 «Theory and history of architecture»,
 «Technologies and materials».

Наконец, останавливают на себе взгляд локальные отклонения – провалы, когда не было защищено ни одной диссертации, которые приходится на отдельные годы. В «Градо» это 1961 и 2004 гг., в «Общественных и жилых зданиях» – 1964 и 1995 гг. (есть еще ненулевые, но явные провалы в 1974, 1984 и 1991 гг.), в «Проме» – 1976 и 1986 гг., в «Теории и истории архитектуры» – 1998 г. Возможно, это объясняется внутриинститутскими причинами, что опять же нуждается в подтверждении или опровержении в рамках специальных исследований. Вернемся к нашей кривой накопления диссертаций, которая с середины 1980-х по конец 2000-х гг. неоднократно замедляла свой бег, соскальзывая с колеи экспоненциального роста. О глубине падения красноречиво свидетельствует тот факт, что в 1993-1995 гг. и 2002-2003 гг. защищалось по 1 (одной!) диссертации в год – ср. с 1970-1980-ми гг., когда выходило по 20-30 и более работ ежегодно. В скудности все оказываются равны, у всех по три банана – количественные показатели всех разделов сближаются.

Нельзя не заметить, что во всем мире наука, в общем, следует за мировым ВВП, уровнем технологий, урбанизацией, уровнем образования и прочими переменными, воспроизводящими логику разворачивающегося начиная с 1960-х гг. глобального демографического перехода (по С.Капице) – она заключается в выходе из эпохи гиперболического роста,

приводящего к режиму с обострением (4). Речь идет как о естественном и техническом, так и о гуманитарном знании; архитектурная наука не исключение. Однако едва ли где-либо еще, помимо новокапиталистической России, этот график обретает столь энергичный – почти плакатный – абрис, бесстрастным математическим языком описывая постигнутое интеллектуальное сообщество катастрофу.

1. Фесенко Д. Архитектурная наука в динамике. По материалам диссертационного фонда МАРХИ // Архитектура и строительство России, 1991, №4, с. 17. См. также: он же Теория архитектурного процесса: контуры новой парадигмы. – М., 2010, с.90-92.
2. В рассказе «Аналитический язык Джона Уилкинса» Х.-Л. Борхеса приводится парадоксальная классификация, которая будто бы содержалась в некой древнекитайской энциклопедии и выглядела следующим образом: «Животные делятся на: а) принадлежащих императору; б) балзамированных; в) прирученных; г) молочных поросят; д) сирен; е) сказочных; ж) бродячих собак; з) включенных в настоящую классификацию; и) буйствующих, как в безумии; к) неисчислимым; л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти; м) прочих; н) разбивших кувшин; о) издаലെка кажущихся мухами». Она приходит на ум при знакомстве с рубрикой, предложенной библиографами МАРХИ. Всего в настоящее время она содержит двадцать семь разделов, которые представлены в алфавитном порядке, так что, например, за «Текстильными фабриками» следует «Теория архитектуры». Многие из разделов содержат всего по

пять-семь работ, что удобно для поиска, но непригодно для выявления искомым закономерностей. В процессе работы классификацию пришлось пересмотреть, собрав все разделы в пять таксонов: «Градостроительство», «Общественные и жилые здания», «Промышленная архитектура», «История и теория архитектуры», «Технологии и материалы».

3. Приведем принятые нами методические принципы отбора материала. Из общей массы работ, содержащихся в каталожных ящиках диссертаций в библиотеке МАРХИ, были отсеяны диссертации, выполненные в других вузах и научно-исследовательских организациях. Учитывались только карточки, помеченные МАРХИ, МАИ, а также «безымянные». Были отбракованы диссертации без даты публикации – их не более восьми, и фигурирующие сразу в нескольких разделах – таких оказалось всего три. Работы, выполненные МАРХИ совместно с другими институтами, например, Уральским ПромстройНИИпроектом, попали в исследуемый массив. В случае двойной даты публикации в расчет принималась более поздняя. В целом, вероятная погрешность не превышает 1,1%.
4. Подробнее о глобальном демографическом переходе см.: Капица С. Общая теория роста человечества. Как рос и куда идет мир человека. – М., 2009. О динамике других – ведомых – переменных, связанных с параметром порядка в лице роста человечества посредством положительной обратной связи, см., например: Коротаев А. Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ // История и математика: макроисторическая динамика общества и государства. – М., URSS, 2007.